

Российская Коммунистическая Партия (большев.).

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭТА

Рабочего ПЕТРОВА.

2-ое издание.

С дополнением его последних стихотворений.

ИЗДАНИЕ
Нижегород. Губерн. Комитета
Р. К. П.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭТА

Рабочего ПЕТРОВА.

2-ое издание.

С дополнением его последних стихотворений.

ИЗДАНИЕ
Нижегород. Губернского Комитета Р. К. П.

Типография Народного Комиссариата по Военным Делам.
Н.-Новгород, Архангельская, дом б. Кочетова.

КАПИТАЛИСТ, ПОП, БОГ И РАБОЧИЙ.

Капиталист:

Боже! Внемли моим стонам.
Моей искренней молитве!..
Трудно мне расстаться с звоном
Денег в веревской ловитве...
Покарай все комитеты,
Ты, десницей своей строгой;
Возврати святые плети
Для восставших, для убогих.
Я с молитвою веками,
Ради славы и богатства.
Лью рабочих кровь реками.
Зашищая тунеядство.
Я на фабриках, заводах
Под железными станками
В грязных, мрачных, черных сводах
Рвал тела рабов кусками.
Чтоб построить тюрьмы. храмы,
Зажечь свечи пудовые,
Не считался я с годами.
Кромсал жизни молодые.
Ради роскоши, наживы
Гнал на фабрики детишек;
Пил их кровь, тянул их жилы.
Выколачивал излишек.
Я создал болезни, голод,
Я создал разврат, насилье,
Но зато кровавый молот
Мне ковал покой всесилья!..

Создал войны я лихие,
Создал пушки, пулеметы,
Я безжалостно сухие
Кровью залил эшафоты.
Я в пылу войны священной
Мир в прах жалкий превращаю...
Над великою вселенной
Смертью черною витаю.
Покорить я мир стремлюся!
Что мне слезы!.. Что мне горе!
Я как зверь ужасный мчуся,
Проливая крови море.
И за это Тебе Храмы
Воздвигаю золотые.
Не считаяся с деньгами
Лью мильоны кресты я.
Я молюсь Тебе, Великий,
Со слезой не взвидя света.
Покарай же грязных, диких
Ты рабочих и советы!
Накажи всех комиссаров
Ты геенною огненной,
Затуши огонь пожаров
Среди черни возмущенной!
Ты пошли белогвардейцев
Воевать с большевиками;
Скрой от глаз красноармейцев
Мой большой сундук с деньгами.
Так палач, не взвидя света,
Пред иконою молился
И по жирному портрету
Его пот противный лился.

Поп:

Чем, о, Господи, тебя я прогневил?
Чем пред Тобой, Творцом, я провинился?
Ужель в колокола так тихо я звонил,
Что до тебя их звук не докатился?

Или за то, что я святую мзду
И с мертвых и с живых безжалостно взимал?
Что именем Твоим, покорную узду
На шею бедняков с молитвой воздевал?
Ужель за то, что я голодных бедняков
Молитвами кормил и в требах не скупился?..
За алтарем курил, в семье своих попов
Разок-другой до чертиков напился?
Ужели грешен тем, что часто втихомолку
Ночной порой, когда жена спала,
Прислугу ущипнул разов с десяток только...
Так в чем скажи, Творец, вина моя была?.
Не грех ведь в сем, что к празднику святому,
Чтоб угодить детям своим и женке,
И чреву своему урчащему, большому
Сдирал крестьянскую, последнюю шубенку?..
О, Господи! Я чист перед тобой,
Коль именем Твоим, молясь благоговейно,
Рабочих и крестьян крестом гнал на убой,
Лобзая трон с улыбкою елейной!
Внемли же, Бог, твой раб к тебе взывает,
Чтоб ты разверз об'ятия земли,
Чтоб все, кто власть Советов защищает,
Под пеплом земли погребены были!
Поставь на трон царя—помазанника Божья!
Помещикам ты земли все отдай.
Чтобы от них за труд и я бы тоже
Имел всегда с'едобный каравай.
Подай же, Господи, мне милостью своею!
Ведь жизнь моя не жизнь, а эшафот...
Я для тебя свечей не пожалею;
Подай же Господи—бедняк уж не дает!

Бог:

Подите прочь, несчастные злодеи,
Поклонники насилья и цепей,
Поправшие мои священные идеи
Для торжества грабительских целей!

Зачем Евангелье под ноги подтоптали,
Обманом действуя для выгоды своей?
Зачем вы труд святой, как и меня, распяли,
Создали сирот, вдов, болезни для детей?
Иуды вы!.. Вы Каины!.. Вы звери!
Вы не небес сияющих сыны!
Не в рай, а в ад открою вам я двери
За ваш великий грех в об'ятья Сатаны!
Зачем мне ваша лесть и колокольный звон?
Зачем свечами мне вы жертвы воздаете,
Когда везде и плач, и скорбный, тяжкий стон,
И мертвые тела гниют на эшафоте!
Вы, Ироды... Невинная, святая кровь
Детишек бедняков давно возопияла,
Что так безжалостно, как раньше, так и вновь,
Ваша рука преступно проливала!
Покайтесь, сильные!.. Смиритеся, рабы!
Насилие любовью усмиряйте,
Не злобствуя, смиренно, без злобы
Мой идеал любви распространяйте.
Ягнята и волки, патриции, плебеи
Сомкнитеся в одно по братски мирно жить!
Нет в мире ничего святее и сильнее
Покорные в любви сердца все слить.
Когда поймете вы Творца земли заветы,
Тогда я вас введу в прекрасный, чудный край...
В одежды светлые там будут все одеты,
То будет вам давно желанный Рай.
Покайтесь, грешные... Смиритеся с душою,
Не думайте о счастии земном!
Склонитесь пред моей карающей рукою
И думайте о небе лишь одном!

Рабочий:

Я долго плакал и молился,
Взор устремляя в небеса,
Я чуть не целый год постился
И верил в Бога чудеса.

Я все переносил: и нищету, и голод,
И плети, и пинки, считал—так должно быть!
Зимой терпел мучительнейший холод,
От страшных мук пришлось по волчьи выть!
Бывало с низкою, покорной головою
Пред фабрикантом шапку я снимал,
Работу дать я страстно умолял
И сжалиться над бедною семьею.
В ответ «пошел!» с презреньем говорили,
И я оборванный, с разбитою душой,
Смотрел, как сытые в разврате праздном жили,
Штыками оградив обжорливый покой.
В безумной роскоши, в палатах золотых
Жили они, нужды не понимая...
А мы, рабочие, ютясь в углах сырых,
Жили, болезнями друг друга заражая.
Работал я, но сытым не бывал...
Богатства создавал, но сам был жалким нищим...
Я кровь свою и тело продавал
И думал только лишь о Боге и о пище!
Вся жизнь моя была проклятый, рабский труд,
Заводы мрачные и душные подвалы!..
Роясь, как крот, в могиле шахт сырых
Рука моя богатства извлекала.
Дворцы царей, хоромы богачей
Я создавал; железные дороги,
Я пушки лил, точил клинки мечей,
Я строил крепкие и тюрьмы и остроги.
И что-ж и что-ж?.. За мой тяжелый труд,
За голод, за нужду, за тяжкие мученья
Всю жизнь над головой свистал богатых кнут
И ноги жгли цепей железных звенья.

Однажды я, рассчитанный с завода,
Зимой холодною по улицам бродил...
Стучался в дверь богатого народа,
Я помощи у них семье своей просил...
Никто... никто мне руку не подал...

Везде меня как пса в затылок гнали,
А в голове моей, о, если-б, Бог, ты знал.
Как змеи мозг жалом своим терзали!..
Голодная... недужная жена...
И тощие страдальцы—малютки
Ждали... ждали с тревогою меня
Удовлетворить свои голодные желудки.
Я помню страшный час тупого отчаянья...
Когда жена моя голодной умерла
От тяжких мук от тяжкого страданья!..
С тех пор с моих глаз повязка спала.
И понял я, что правды нет у Бога!
Что Бог—оружие всесильных богачей!
Учение его—есть ложная дорога.
Узда и кнут для бедняков плечей.
Попам и кулакам, царям, капиталистам
Сей Бог был ширмою грабительских их дел!
За ней дела свои обделывал чисто.
Рабам несли они насилия удел.
И понял я... не просьбой, не молитвой
Себе я помогу. Не рабскою слезой,
А пролетарскою, непримиримой битвой
С мечем карающим и новою стезей
Идя и по пути насилье истребляя,
Губя поклонников златых богов
И старое все с корнем вырывая,
Построить новый строй для страждущих рабов!
Теперь не плачу я... теперь не молюся...
Не раб теперь, как ветер свободный я!
С мечем в руке я птицей вольной мчуся
С рабочими в заветные края!
Мы—класс труда, семьи единой,
Нам не страшны ни Боги, ни цари,
Не страшен нам борьбы путь тяжкий. длинный
К сиянию ласкающей зари,
Не ты, холодный Бог, рабам освобожденье
Молчанием преступным принесешь!..
Не ты на нас. взирающий с презреньем,

Любовь и мир вселенной обретешь!
Не ты—а мы, взращенные нуждою,
Не ты, а мы рождаемся в цепях.
Победно справимся с проклятою судьбою
И старый мир повергнем в жалкий прах!..
Не ты, а мы святое знамя братства
Над миром страждущим высоко водрузим!
И цепи рабские, и сети тунеядства
Рукой рабочею, борьбою истребим.

Попы в церквах пугали страшным адом
И пред насилием учили преклоняться...
От их учения несло ужасным смрадом,
И, веруя в него, я сам стал разлагаться...
Теперь проклятие царям, попам, Богам
Рабочим я от сердца посылаю...
С души своей негодный этот хлам
Ханжам в лицо с презрением бросаю.
Нет... нет! Довольно уж смиренья!..
Довольно рабских слез, надежды в чудеса...
Бессильное твое евангелья ученье,
И жалкий миф твои святые небеса...
Зачем ты нам, всесильный в небесах,
Бессильный на земле, где кровь льется рекою?
Где все поверженно рукой богатых в прах
И мир весь кажется гробовою доскою?
Внемли же, Бог! Я—червь земной
Не верю, чтоб волки с овцами мирно жили
Семьей единой, мирной трудовой,
Чтоб горе и нужду все поровну делили!
Скажу тебе, Властитель равнодушный,
Что если вздумает к овце волк вдруг присесть,
То лишь затем, чтоб крови злой послушный
Удобнее овцу было бы с'есть.
Послушай, Бог! Коли бессилен ты,
То лучше в бой восставших не мешайся!
Смотри, как и смотрел, на землю с высоты,
Как и попрежнему в бессилии ругайся.

ПОСВЯШАЕТСЯ Тов. СВЕРДЛОВУ.

(Ко дню его выступления в Нижнем).

Я знаю, куда мне идти
По какому пути!
По рекам, по морям,
По обрывам, горам
С мечем красным в руках,
С грозой мщенья в очах,
Как бушующий вал
Бить, дробить капитал!
Путь мой в жарких огнях!
Путь в тернистых шипах!
Путь к любви,
Путь в крови.
Не цветами убран,
Черепами устлан!
Путь—кровавая мгла,
Путь—светильник святой!
Против рабства и зла
За голодный, простой
Люд рабочий иду,
Я с собой их зову, за собою веду!
Что ни шаг,
То овраг,
Что ни взмах,
Гибнет в прах,
Под напевы любви
Враг в крови!
Я стальною рукой,
Подымая меч свой,
Раздроблю, рассеку
Гробовую доску!

Рассеку я гранит,
Что веками стоит
Предо мной на пути,
Что-б не мог я идти!..
Путь мой—раны и кровь...
Путь мой—месть и любовь!..
Путь мой—голод, нужда,
Одичанье, вражда
И пожар мировой,
Боевой!
Я в пути, я в пути!
Знаю, как мне идти;
Как светильник зажечь,
Как стрясти рабство с плеч!
Как восстанье поднять,
Побледнеть, задрожать
Как заставить врагов
Пред силой «рабов»!
Я иду, я иду...
За собою веду
Рать могучих бойцов
Из оков.
На сиянье, на свет,
Где насилия нет;
Где лишь братство и труд
Молотами куют
Новый, счастливый строй
Мускулистой рукой!
Знамя рдеет мое!
Все в штыки! Все в ружье!
Час пробил! Час настал!
Гибнет гнет вековой!
Для рабов, для меня
Гибнет Бог—капитал
От струи огневой.

К ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ ГОДОВЩИНЕ.

Пробил Великий час!

Пробил Великий час!.. Настала Годовщина!..
Хвала Тебе, Святой Октябрьский День,
В который в один миг исчезла словно тень
Проклятой памяти Керенского рутина.
Кадетской партии прикащика и сына.

В сей День могучими рядами
Восстал рабочий и солдат...
В крови забрызганных до пят
Врагов гнал стадными толпами,
Дрожавших в страхе пред «рабами»!

И пала власть тирании и зла!..
Основы грозно капитала
Рука рабочих раздробляла,
И новый строй с собой несла
Штыков их острая игла.

И стал у власти сын заводов,
Сын грузных фабрик и машин;
Батрак и бедный крестьянин
Из черных дыр, подвала сводов,
Вместо былых «громоотводов»....

И на костях сынов своих
Россия новый строй ковала;
Заснувших к жизни воскрешала,
Будя и мертвых и живых,
И стариков, и молодых!
И мощным, громовым набатом
Октябрьский День над миром прозвучал!

Он палачей в насильи обличал,
Взывал к рабочим и солдатам
Могилы рыть дворцам, палатам!

В сей День надежда бедняков,
Мечта, заветные желанья
Сбылись! И в бурном трепетаньи,
Как реки по весне из льдов,
Рвались страдальцы из оков!

Как море бурными волнами,
С напевом злобы и любви,
Купаясь в собственной крови,
Пенясь кровавыми гребнями
С врагом скрестилися мечами.

И всяк, кто горе испытал,
Кто сжат за горло был тираном,
Кто с детства в зипунишке рваном
Нуждой мертвящею страдал,
Тот жизнь в бою свою отдал.

Кто гнет терпел от капитала,
Кто на борьбу с ним восставал;
Кого цепь тяжкая сковала
И мысль живую умерщвляла,
Тот меч карающий поднял!

И возникавшие Советы—
Надежда пролетарских масс,
Труда Великого заветы
В венки терновые одеты
Будили мир—рабочий класс
К борьбе в последний грозный час!
И знамя красное, сверкая
Над миром тонущим в крови,
Звало к свободе и любви,
Огни восстанья зажигая,
Сердца измученных лаская.

И ополчился мир богатых...
И много пало жертв святых...
Не выразить заслуг в простых
Строках коротеньких и сжатых,
Героев пламенем об'ятых!

И целый год... тяжелый год
Непрерывавшегося боя,
Рабочий в холоде и в зное
Победно с знаменем вперед
Стопою быстрою идет!

Теперь, в Великий, светлый День
Весь мир восстанием пожара дышет
И новые страницы борьбы пишет
История, что знает все и слышит,
Бросая на врагов позорящую тень.

Весь мир в огне... Разрушен мир
Прожорливой акулой—капиталом!
Идет с рабами в бой с открытым он забралом
В последний раз разнузданный вампир.
За счет труда кровавый строя пир.

Но час пробил!.. Развязка уже близка...
Победный гром по небу раскатился!
В груди рабов дух вольный воплотился
И луч зари издалека
Сверкает в лезвии штыка.

В сей День, товарищи, внемлите:
Перед могилами борцов
Уборы с головы снимите,
Победной песнею почтите
Без слез, без пышных громких слов,
Почтите память молодцов!

Над их могилами клянитесь
Победно знамя их нести...
В борьбе с врагами обяжитесь
Их детям счастье принести,
К социализму привести.

И пусть трусы, забившись в норы,
Преступно время тратят зря;
Мы, в День Святого Октября,
С огнем пылающим во взоре,
Сольемся клятвою в сговоре!

Да, здравствуй, здравствуй, День Великий,
Титан могучий, многоликий.
Ты много славного несешь,
Ты мир рабов к борьбе зовешь
Из тяжких пут и жизни дикой!

Октябрь—наука всему миру
В груди страдающих рабов,
В сердцах поющая их лира...
Гроб для кровавого вампира,
Для пролетариев врагов
И для заржавленных оков.

Взошла, сияя, нам заря
И путь наш трудный осветила...
И это яркое светило—
Есть день святого Октября
И Мирового звонаря!

ЕЩЕ К ГОДОВЩИНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Я дням Октябрьским битвы славной,
Рабочим песнь свою пою,
Погибшим в доблестном бою
Против оков самодержавных.
О, братья павшие! О, лучшие сыны
Семьи рабочей, спите с миром,
Отдавшие свои младые жизни дни
В борьбе с тираном и вампиром!
Как ураган, как буря вы неслися
На стан врагов тиранов-богачей!
И в битве той и небо и земля тряслися,
И головы с коронами летели прочь с плечей!.
В момент кровавого разбойничьего пира
Беснующейся шайки палачей
Схватились два непримиримых мира,
Скрестив смертельные клинки своих мечей.
На поле битвы роковой,
В день Годовщины незабвенной,
Пылая местию священной,
Рабочий поднял молот свой,
Дробя насилия устой,
Нечеловеческую силу напрягая,
Стопой тяжелою на грудь врага ступив,
Ударом верным в сердце поражая,
Он мир насилия и злобы покорил.
И рухнул старый мир!.. Повержен в жалкий прах!..
И кровью черною своею истекая,
Как пес в последний час кусаясь, издыхая
Лежит на ржавленных, разорванных цепях!
И год борьбы священного пожара,
И кровь святая павших сил борцов
Толкает нас живых для нового удара
Против царей, банкиров и купцов.

Товарищи! В сей год борьбы священной
В пожарищах, голодные, в крови
Бросали миру вы огонь свой вдохновенный
В защиту равенства, свободы и любви.
И час настал... Зажглася мировая
Заря—предвестница величия труда!
Вскипела кровь рабочих боевая
И гибнет старый строй с проклятьем без следа.
Рабочие! Чуждаясь рабской лени
Пред прахом павших клятву мы дадим:
Поставить мировых тиранов на колени,
Что в битве мировой умрем иль победим!
Пусть знамя красное над миром грозно реет
И кровь рабочая к отмщению зовет;
Пусть светочь истины, любви и мира зреет
И долгожданную весну труда несет.

ИЗ МРАЧНОГО ПРОШЛОГО.

(Писано в Нижегородской каторжной тюрьме в 1916 г. зимою).

Я по камере грязной и черной,
Гремя цепями, мрачный хожу;
Чрез решетку путь неба просторный
Днем и ночью с слюбовью слежу.
Холодно... Бьет свирепо, бушуя,
Ветер хлопьями снега в окно,
И поет... и рыдает, тоскуя,
Он о том, что я жажду давно...
Он поет мне, носящему цепи,
О зеленых, душистых садах;
Он поет об украинских степях,
О таинственно-темных лесах.
Он поет... он рыдает... тоскует,
А мятель, злясь, кружится вокруг,
Будто вместе со мной негодует
На безумный тиранов недуг;
На тюрьму, на решетку, на цепи;
На немых, как тюрьма, часовых;
На тюремщиков диких, свирепых,
На царей безобразно пустых.
И хотел бы с мятелью я слиться,
Унестись далеко, в южный край;
Чтоб по степям привольным носиться,
Видеть в зелени тонущий рай.
Я б хотел, чтоб ночною порою,
Когда звезды блеснут в небесах,
Сады пели мне песни листвою,
Шурша в сочных, упругих ветвях.

Я б хотел, чтобы юной весною
Теплый ветер мне сердце согрел;
Чтобы в звездном мерцаньи над мною
Тихий месяц мне в душу глядел;
И чтоб нежной струною в вершинах
Деревьев мне пел соловей;
Чтобы ветер в цветущих равнинах
Душу лаской обвеял своей.
Я хотел бы, чтоб Черное море
Кипело, бросаясь волной!
Чтоб пело о бурном просторе
Свободные песни со мной!
Хотел бы, чтоб грозно пороги
Днепр страшной стихией своей
Бил так, чтоб дрожали чертоги
Кровавых и хищных царей!..
Хотел бы... Но, много хочу я...
Тюрьма, как могила глядит...
Как я, видно так же тоскуя,
Страж мрачный за дверью сидит.
Я, с грудью усталой, часами
По камере нервно хожу,
Гремлю без конца кандалами,
В окно за решетку гляжу.
. . . .
Закружись же, мятель, вихрем смерти!..
Захлестни мир тиранов собой!..
Чтоб вздрогнули Боги и черти,
Чтоб, как бич, я носился с тобой!

К ПОКУШЕНИЮ НА Т. ЛЕНИНА.

О, великий наш вождь! Не горючей слезой
И не скорбью врагам мы ответим...
Мы за раны твои обрушимся грозой
И пожаром дорогу осветим!
Пусть твоя, славный вождь, драгоценная кровь
Наше сердце наполнит отвагой,
Пусть несет всему миру, сияя, любовь
Омоченного кровью стяга.
На развалинах зла, на обломках сырых
Обветшалого, старого зданья.
Острый меч в руках крепких сверкает твоих,
Вызывая врагов завыванье!
Не слезами, о нет! Беспощадной борьбой
Мы пойдем по дороге тернистой...
Пусть горит твоя кровь, точно факел святой,
В вечном свете, сиянии чистом
И твоей, и рабочею кровью святой
Мир искупит и зло, и страданье...
И на новый, кующийся равенства строй
Солнце брызнет снопами сиянья,
Твое славное имя в сей грозной борьбе
Пусть история вечности пишет...
Пусть за раны мы будем глухими к мольбе,
Пусть огонь в груди мщением пышет.

К ОСВОБОЖДЕНИЮ КАРЛА ЛИБКНЕХТА.

Настал, настал желанный час!..
Дверь распахнулася темницы.
Борец! Ты с нами... Ты для нас
Взметнешься снова вольной птицей.
Свершилось чудо... цепи пали
С тебя, великого борца.
Взмахни ж клинком горячей стали!
Зажги рабочие сердца!
И пусть карающим мечем
Ты против рабства и неволи,
С рабочим став к плечу плечом,
Путь пробиваешь к лучшей доле.
Пусть, вождь рабочих мировой,
Твой голос прозвучит набатом;
Чтоб всяк, кто с буйной головой,
Стал революции солдатом!
И пусть с Россиею свободной
Дробишь ты старое гнилье.
В борьбе труда международной
Пусть имя славится твое.

. . . .

Рабочие! Сомкнись рядами;
Великий, славный час настал;
В борьбе Карл Либкнехт снова с нами
Толкает в пропасть капитал.

Дрожи земля! Раздайся небо,
Замолкни сердце!.. В бой рабы,
Во имя равенства и хлеба
Строй эшафоты и столбы,
Над палачами палачами
Должны мы быть, дети труда,
Пока не справимся с врагами,
Насилье сгубим без следа!
Пусть, славный вождь, горит пожаром,
Восстанье в мировом бою,
Чтоб сокрушающим ударом
Любовь мы принесли свою.

К ГНУСНОМУ УБИЙСТВУ ГЕРМАНСКОГО ВОЖДЯ КАРЛА ЛИБКНЕХТА.

Он убит!.. Он убит, как орел молодой
В небе паривший юной, прекрасной весной!
Он убит... нет его... его речь не звучит,
Сердце больше не бьется и меч не блестит
В его мощной руке... Взор недвижим орла...
Чья убийцы рука его жизнь унесла?
Кто предательский нож в грудь младую вонзил?
Кто кровь вождя рабочих пролил?
Кто? Скажите, скажите вы мне!..
Я страдаю!.. моя грудь пылает в огне!..
Не могу я стерпеть!.. Не могу я молчать!
Я зову всех рабочих на весь мир кричать:
Он убит!.. Он убит, Карл Либкнехт дорогой...
Его взор не сверкает победной грозой,
А блистает застывшей слезой!
А убийцы ликуют... Ликуют враги,
Не слышат милльонов рабочих шаги!..
Не слышат, что кровью святого борца
Клянемся мы громко громить до конца
Убийц, палачей кровожадных, зверей,
Поклонников рабства—царей!
Эй, рабочий земли! Выходи на простор!..
Пресеки убийц черных злодейский сговор!..
Развернись, размахнися рабочей рукой,
Пролей черную кровь их рекой!
Ты в ответ на их подлый и гнусный удар
Подними красный меч! Зажги адский пожар!
Схорони ты под пеплом устоев гнилых,
Псов продажных, псов бешеных злых!
Капли крови святой жарче солнца горят,
О злодейской руке вопиют, говорят,
И зовут, и взывают к рабочим: «Вперед!»
Стройте черный врагам эшафот!

НА СМЕРТЬ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ.

О, родная нам мать!.. Труп истерзанный твой
Раз'яренною, дикою, черной толпой
Недвижимый лежит...
Кровь святая твоя к отомщенью зовет,
Развернуть до корней палачей дикий гнет
Призывает она. О, родная ты нам!..
По горячим и свежим кровавым следам
Мы пойдем. Мы пойдем, чтоб во имя любви
Потопить убийц гнусных в их черной крови.
Мы идем!
Мы убийцам несем
Беспощадную месть и наш огненный меч,
Чтоб срубить зверю хищному голову с плеч!..
За мученья, за страшные раны твои,
Содрогнутся недра земли...
А тебе... а тебе. Роза, добрая мать
Угнетенных, несем мы могилу убрать
Венки, кровью обогренны чистой твоей,
Цветы красные красных полей...
И когда приблизятся коммуны года,
На могиле твоей венки кровью тогда
Поколеньям расскажут, что миру любовь
Принесла твоя чистая кровь!

НА СМЕРТЬ ТОВАРИЩА ГОЛУБЕВА.

Я видел тебя... Сколько грусти в очах,
Сколько муки душевной во взоре,
Говорить ты со мною не был уже в силах
О борьбе, о любви, о просторе.

Ты орлом молодым в небе гордо летал,
Разгоняя нависшие тучи....
Ты для солнца зловещий их мрак расчищал
Своею силою, вольной, могучей.

Под ударом проклятья гнетущих цепей
Не склонялся покорной главою:—
В дальней ссылке один среди диких степей
Рвался в бой ты с проклятой нуждою...

И в борьбе надрывалися силы твои,
Дух был бодрым и немощно тело;
И закрыл ты печальные очи свои
За рабочее кровное дело...

И теперь ты сражен... Недвижимый твой прах
Ждет могила тебя сиротливо.
Не блестит уж огонь в твоих честных очах,
Грудь не будет вздыматься бурливо...

КРАСНОЙ УКРАЙНЕ.

Оковы сброшены и огненный кружит Украйны шар!
Знамена взвилися и ярко рдея вьются.
В груди борцов горит святой пожар
И снова красные там песни раздаются.
Взошла заря. Мозолистые руки
Подняли молоты и с молнией в очах,
С зубовным скрежетом за раны и за муки,
Цепь рабскую дробят и превращают в прах.
Оставив фабрики, оставивши заводы,
Оставив черные избушки и поля,
Кляня богов, кляня раба невзгоды,
Дробят!.. Могилы мертвецов гниющих шевеля,
Суровые, закопченные лица,
Стальные мускулы, веревки жил стальных.
В них раны страшные... в них кровь дымясь струится
От рук убийц—тиранов мировых!
Проклятье сбросивши, построившись в ряды,
К борьбе решающей, на гибель капитала
Грозою красною Украйна запылала,
Срывая черные, прогнившие плоды!
Сыны Украйны с Россией вдохновенно
Слились в одном желании святом:
Воздвигнуть мировой, великий и священный
Коммуны строй, с мечем, но не с крестом!
Горит заря! Горит гроза восстанья!
Два класса мировых столкнулися в бою;
Один за цепь и мрак, другой за свет, сиянье
Несет и кровь и жизнь в борьбе свою.
Украйна моя!.. Прими привет горячий
От сына твоего, любящего тебя!
Как ты, он не склонил главы! Не молится, не плачет
И для тебя отдаст он все, любя.
Пусть степь твоя шумит... Ковер цветов прекрасных
Украсит путь поборникам труда.
Пусть ты, купаяся в лучах свободы ясных,
Родною будешь нам всегда.

3 му КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Москвы живое сердце бьется
И мировой набата звон,
Глуша тиранов, раздается,
К лучам навстречу солнцу льется,
Мятежной бури полон он.
Коммуны красной выразитель,
Наш Третий Интернационал
Рабочих чаяний хранитель,
Прибывши в красную обитель
Над миром ярко воссиял.
Пройдя чрез трупы, чрез могилы
Бойцов погибших, молодых,
Он, напрягая свои силы,
Напрягши мускулы и жилы,
Он пишет новый красный стих.
В стихах зовет он боевые
Рабочих красные ряды
Сплотиться в фронты мировые,
Бросая лозунги живые
Против проклятия нужды.
Москва, гори, грозой сверкая,
Вздымай над миром красный стяг!
Лучи, как солнце, испуская,
Тиранам когти отсекая,
Врагов повергни в жалкий прах!
Пусть быстро красный твой, как кровь,
По морю красному несется
Корабль, неся полки бойцов
Со всей земли, со всех концов
Туда, где жизнь, где смерть смеется!

НАС БОРЬБА НЕ СТРАШИТ.

Нас борьба не страшит,
Наш в борьбе не убит
Вольный дух мощной, великой свободы!
Мы готовы опять
Вновь с врагом воевать,
Неудержимо, хоть долгие годы.
Так преступно молчать!
Час пробил разорвать
Мировые железные цепи!
Нам пора на другой
Изменить старый строй
Бесчеловечный, позорный, нелепый...
Ведь в тяжелом бою,
Не щадя жизнь свою,
Наши братья порой изнывают...
За голодных детей
Они кровью своей
Матушку-землю рекой поливают.
И в борьбе мировой,
Расчищая путь свой,
Капиталу мы гроб уготовим!
Хотя жизнь отдадим,
Зато детям своим
Жизнь благодатную мы приготовим!..
Они нас вспомянут,
На могилу придут
Благодарить за добытые блага...
Так без страха вперед
Двинем силы в поход,
В нашей груди не угасла отвага!

КО ДНЮ СВЕРЖЕНИЯ ЦАРИЗМА.

В разгар чудовищной, грабительской войны,
От мук и дикого тираном угнетенья,
Восстали грозные труда сыны
Разбить оков самодержавья звенья...
Из душных стен, подвалов и углов,
Из всех рабочих кварталов, окраин
Рабочие, как тени мертвецов,
Шли ко дворцу, где жил царь-Каин,
И женщины, и дети, и мужчины,
Поднявши красные знамена над собой,
Усталые, распрямив свои спины.
Вступили с палачем в кровавый смертный бой!
И кровь лилась... и вихрь свинцовый
Дырявил груди молодцов,
И смертная печаль сурово
На лик ложилася бойцов.
В ряды рабочих Протопопов
Стрелял дождем из пулеметов;
Казацких не щадя плетей,
Кромсал и женщин и детей...
И кровь... и дым; страданье, стоны,
Солдат мелькавшие погоны,
Копыта жирных лошадей,
Душивших раненых людей,
Слились в один кошмар кровавый!..
И он, палач, «орел двуглавый»,
Себе проклятие стяжав,
В сей день низложенный лежал!..
Ценою мук, борьбы, страданья;
Ценою голода, изгнанья,
Ценою каторги, тюрьмы
Разбились цепи зла и тьмы!..

И пало иго вековое,
Гнездо разбойничье гнилое,
И трон, что золотом блистал,
Смешно на мусоре лежал...
Царь заключен под стражу был
С своей развратницей-женою,
Где дни в смятеньи проводил,
Прощаясь с властию земною.
И пал царизм—тирании основа!
Цепь лопнула навеки, навсегда!
Уж не вернуться вспять! Не быть царизму снова!
Уж не вернуть былой им власти никогда!..

ТОВАРИЩУ ПРОЛЕТАРКЕ.

Вставай, пролетарка, в ряды боевые,
Довольно кошмарным, мертвящим сном спать,
Иди исцелять детей раны больные
И ласкою теплой, как солнцем, ласкать!
Тебе ли, рожденной в нужде и печали,
Их муки смертельной и горя не знать?
Иль мало тебя, как рабыню, терзали,
Что стон их и вопли не хочешь понять?
Иди же, иди! Для тебя путь просторный
Открылся. Коль хочешь—не будешь рабой!
Отбрось ложный стыд обывательский, вздорный,
Как пыль отряхни, овладевши собой.
Ты вспомни, родная, давно ли терзали
И душу, и тело, и ласку твою,
Как похотью чувства твои оскверняли,
Как душу растлили в развратном гною!
Ты вспомни, как в цепких когтях капитала
Голубкою чистой ты билась в слезах,
Как в грязных каморках чахоткой страдала,
Как жизнь проклинала в фабричных стенах,
А дома? А дома частенько муж пьяный,
От горя и острой проклятой нужды
Встречая привычною руганью бранной,
Тебя колотил он в порыве вражды.
Ты грудью своей истощенной, сухою
Детишек не раз накормить не могла...
Страдала ты сердцем, страдала душою
И всем ты чужой и далекой была.
В нужде ты родилась, в нужде воспиталась
Без света, без мыслей, без радостных дней.
Себя человеком признать ты боялася,
Пугалася мысли свободной своей.

И дети твои в нищете погибали...
С пеленок их рабские цепи ждали...
В кабак, притоны они попадали,
Скрываясь в развратной и мутной дали.
Ты вспомни, как пышным цветком разростаясь
Любовь в твоем сердце, как роза, цвела,
Как юная к светлому счастью бросаясь
Ты светлые чувства в мечтах создала.
Но злой капитал, властелин кровожадный,
Мечту дорогую твою осквернил...
И чистое чувство твое плотоядной,
Продажной, циничной любовью сменил.
Тобой как ничтожною вещью бросались,
Как жалкой игрушкой развратных страстей;
Коль плакала ты, над тобою смеялись,
Смеялись над сердцем и честью твоей...
Теперь ты, как птица, свободною стала!
Теперь уж разрушен наш враг—капитал!..
Тебя власть рабочая в правах уравняла,
Строй новый тебя на путь новый призвал.
Тебе он вернул все права человека,
Права материнства тебе сохранил,
Что раньше строй старый от века до века,
Как зверь кровожадный, в тебе их душил.
Но вот, почему ты от жизни кипящей,
От жаркого солнца стоишь далеко,
И снова, как раньше, ты кажешься спящей.
Вздыхая страдаешь душой глубоко?
Где ты? Почему, почему ты не с нами?
Ведь, мать, ведь жена, ведь родная ты нам...
Иди же, борись со своими врагами,
Навстречу иди ты к заветным мечтам!
Ведь дети, мужья, сыновья призывают
Исполнить твой долг, пролетарку, тебя,
Ведь в тяжкой борьбе они кровь проливают
И счастье куют для тебя и себя.
Иди-ж, пролетарка, под красное знамя
Без страха былого, без воплей и слез!

Иди, разжигай революции пламя
И вольной, как ветер, несись среди гроз
К желанному счастью, в прекрасные дали,
Где нет ни нужды, ни продажной любви,
Где нет палачей и карающей стали,
Где места не будет уж больше крови!
Коль хочешь, чтоб дети тебя не прокляли,
Чтоб в будущем счастливы были они,
Чтоб славой тебя, пролетарку, венчали,
Иди и борись в эти грозные дни.
Но если ты детям в наследство оставишь
Безправия цепи, насилия кнут,
Бороться за светлое счастье не станешь,
То дети тебя и твой прах проклянут!
Вставай, пролетарка, в ряды боевые!
Довольно кошмарным, мертвящим сном спать!
Иди исцелять детей раны больные,
И ласкою теплой, как солнце, ласкать!

К МАТЕРЯМ, СЕСТРАМ И ЖЕНАМ.

Вставай, о женщина! Вставай, сестра и мать,
Вставай, несчастная, забитая рутиной;
Тебе открылся путь свободу добывать
И руку протянуть для страждущего сына,
Кто вас не угнетал, страдалицы земли,
Когда на фабрики, нуждою злой гонимы,
Чтоб голод утолить, безропотно вы шли,
Сушили грудь свою и гнули свои спины?
Когда в сыром углу болели мать иль дети,—
Никто, страдалицы, руки вам не подал,—
Лишь всяк, кто мог, сплетая свои сети,
К разврату вас безжалостно толкал.
В пыли, в грязи, средь пьяной темноты,
Среди циничного и грубого злословья
Никто не знал, как слезы лила ты
С разбитою душой, с разбитою любовью!
Вставай, о женщина! Взгляни, как погибают
Рожденные тобой детишки у станков,
Как грудь свою они и силы надрывают
И юные глядят, как тени мертвецов!
Как у станков, не зная дней свободы,
Не видя солнечных душистых дней весны,
Цветущие и ранние их годы
Во мраке тьмы и слез погребены!..
Вставайте, женщины! Вперед к лазури неба,
Туда, где брызжет яркий солнца свет,
Где нет любви продажной ради хлеба,
Где нет цепей, насилий злобных нет!

ТЕМ, КОМУ ВЕДАТЬ НАДЛЕЖИТ.

Коммуна—великий, святой идеал!..
Он горит, он искрится, как чистый кристалл,
Он лучами, как солнце, мне душу согрел,
В нем я новую книгу узрел.
Счастлив тот, кто Коммуны живой смысл понял,
Кто на мелочи жизни себя не менял,
Кто, как гордый орел, над землею парил,
Слова правды всегда говорил.
Счастлив тот, кто и лесть, и пустой эгоизм,
Злобу мелкую, трусость, гнилой карьеризм,
Властолюбье и глупое чванство презрел,
С снисхожденьем на мудрость глядел!
Есть борцы, есть творцы величайших идей,
Есть угодники жалкой утробы своей.
И у них никакой, никакой Коммунизм
Не убьет их гнилой карьеризм!
Есть людишки, что ныне, как будто и встарь,
Светят, будто при солнечном свете фонарь.
И вот, вместо того, чтоб порок обличать,
Угождая, готовы они закричать
На весь мир славу тем, кто уж трупом смердит,
На пирог на Советский глядит!
Но с прекрасной и чистою Музой своей
Не дожны быть поэты рабами страстей,
А должны впереди по дороге идти
И светильник Коммуны нести!..

. . . .

Пусть меня, мною кто ущемлен, упрекнут:
Зачем забегать, мол, далеко,
Я твердить не устану: «Да, нужен вам кнут! ..
Нужно зоркое, честное око...»

ВИХРЬ СОРВАЛСЯ.

Вихрь сорвался... закружилися тучи,
Взвилася молнии в небе петля;
Ветер хохочет и злится могучий,
В саване черном земля.
Грянул внезапно, неслыханно-страшный
Гром и гроза засверкала вдали,
Вихрь закружился в игре безшабашной,
Как гордый властитель земли.
Чаще и чаще, стрелой серебристой
Молнии тьму прорезают порой,
И освежают отравленный, мглистый
Воздух собой, как росой.
Сыплет все чаще удар за ударом
Гром, заглушая злой бури напев,
Красной грозой освещает пожаром
Землю:—неслыханный гнев!
Грянул еще раз... и вдруг разлилося
Море дождя из дрожащих высот,
Яркое солнце над миром взвилося
И гордо по небу плывет.
Стихла и буря, и ветр неспокойный,
Дождь перестал и исчезли, как дым,
Черные тучи, лишь солнце покойно
Играет лучом золотым.
И воздуха струи живительной влаги
Живущих собой обдали.
И рдеют под солнцем их алые стяги
Во славу труда и земли!
Под солнца лучами земля, оживая,
Одеждой цветов убралась,
К любви животворной и чистой взывая,
В братской работе сплелась..

ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ.

Почему так люблю я весны молодой
Ветерка тихий шопот... цветы?
Почему я люблю неба свод голубой,
Даль прозрачной, лазурной мечты?
Почему, когда лес и сады, и поля
Вижу я, сердце трепетно бьется;
Почему, когда брызжет росою земля
И с высот серебристый свет льется
Лика хладной луны, потонувшей в звездах,
Превращаюсь я в слух и вниманье?
Потому ли, что долго в тюремных стенах
Жизнь влачил я в цепях и страданьи?
Потому ли, с детства в грязи и тряпьях,
Позже в фабриках, в шахтах, в заводах
Я рубил, я строгал на чугунных станках
Лишь невзгоды, невзгоды, невзгоды...
И поэтому я так любовь полюбил,
Красотою пленился безумно;
Я в ней смысл среди мрака и зла находил,
Я хранил ее в сердце бесшумно.
Буря, грозы, зной адский, зима,
Нищета, рабский труд да неволя;
Палачи, да гроб мрачный железный—тюрьма
Любовь в сердце зажгли по-неволе.
Зажгли в сердце огонь и любовь к красоте,
Жажду счастья любви и страданья,
Мысль заставили мчаться в простор к высоте
Жаждать вечной природы познанья.
Потому что теперь я дышу и живу,
И тружусь не как раб, не бесплодно,
Что узором любви, жизни новой канву
Вышиваю борьбою свободной.

Потому что теперь, голодая, идем
Мы на подвиг великий, прекрасный;
Что трудом и страданьем мы миру несем
Для труда—Коммунизма строй красный.
Потому я люблю и весну, и цветы,
И лазурную даль, небосводы.
Потому что сбываются наши мечты,
Наступают весны красной годы.
Потому, что теперь: звезды, взоры луны,
Солнце жаркое, степи и море
Мне во власть ценой мук и борьбы отданы,
Что мои и равнины и горы.
Потому что заводы, машины, поля,
Труд, страданье и счастье, и муки,
Вся природа, весь мир с красотой, вся земля
Отданы в мои черные руки!

К ГРЯДУЩЕЙ ВЕСНЕ.

Скоро прорвутся оковы льдяные,
Помчатся, искрясь, реки вдаль берегов:
Журча побегут ручейки водяные
Под солнцем взрыхленных снегов!
И, скинув одежды холодного снега,
Наденут цветные одежды леса...
По рыхлой дороге потянут телеги
И птиц зазвучат голоса.
И соками брызжа, травой зеленея
Раскинется манящий луг,
И поле, пахучей землею чернея,
Изрежет заржавленный плуг.
Солнце, златыми лучами играя,
Согреет земли охладевшую грудь,
Под сенью зеленого сочного рая
Свободнее будет вздохнуть.
И в высь бесконечной лазури прекрасной
Орлы молодые взлетят,—
Улыбкою алою, нежною, ясной
Знамена построятся в ряд.
Из тесных каморок, из фабрик, заводов,
Мощные чудо-творцы
Солнцу горячему счастливо, гордо,
Душу откроют бойцы!
Степи зеленой, весне ароматной
Сердце откроют они,

Песнею звучной, простою, понятной
Зажгут любви нежной огни.
И там, у станков, у стальной наковальни,
Под пенье машин и ремней,
Мысли рабочих помчатся в путь дальний,
В об'ятья весны красных дней.
Сердца их забьются быстрей и сильнее,
По жилам горячей волной
Кровь разольется, вздохнут свободнее
Груди их ранней весной.

---

* *
*

Мы призваны трудиться и творить,
Мы призваны бороться и страдать,
Мы призваны над миром водрузить
Наш стяг!.. борьбу за счастье возвещать!
Мы призваны истории веленьем
Фундамент будущего строя заложить,
От сна всех стран рабочих разбудить
И в бой идти с огненным вдохновеньем,
Пред бурею главой мы не склонимся,
Перед голодом не дрогнем, мы, бойцы!
В тяжелый час, еще тесней сплотимся!
И дрогнут хищники и задрожат дворцы.
Нам впереди звезда ярко сияет;
Зеленый сад, счастливый труд и мир
И угнетенным всем, и тем, кто слаб и сир,
Покой, любовь и счастье возвещает.

ЗИМА.

Зима... Искристым снегом белым
Оделись степи и леса.
И хмуро смотрят небеса
На мертвый мир обледенелый...
Поля, луга, сады и нивы;
Деревни, села, города
Себя, как в саван, обрядили,
Стоят трескучи холода.
Песчинки снежные кружатся,
В даль необ'ятную летят,
В сугробы мерзлые ложатся,
Могилой белою глядят.
А ветер рвет, кружит мятелью,
Поет и свищет в мгле снегов,
Играет злобною свирелью
Сквозь щели людских очагов.
Он то затихнет, притаится,
То с новой силой заревет,
То зверем бешенным стремится
То в высь небес, то вдаль вперед!
Леса, сады, обледенев,
Шатаясь мерзлыми ветвями,
Внимая ветра буйный рев,
Глядятся мертвыми глазами...
Природа спит и ждет весны,
Весны живительной, целебной;
Когда она в весеньи дни
И люд сольются в гимн хвалебный!
Когда под теплыми лучами,
Прорвав об'ятья льдянных пут,
Играясь сочными ручьями,
Беспечно реки побегут.

Когда травою зеленея,
Цветами нежно шевеля,
Вздохнет под солнцем свободнее
Убравшись зеленью земля.
Когда привольный и могучий
Весенний ветер в высотах,
Рассеет мрак зловещей тучи,
Очистит солнце в небесах!
Когда прозрачно—голубые
Забьются жизнью небеса;
Когда послышатся живые
Веселых птичек голоса.
Природа спит и поджидает...
Так ждет в борьбе рабочий класс,
Что час пробьет и засияет
Весна целебная для нас.
Что скоро, скоро во всем мире
Порвется рабства мертвый кнут,
Что все тираны и вампиры
Ниц перед истиной падут.
Что в царстве равенства и братства
Исчезнет рабства институт,
Исчезнут голод и богатство,
Царем и Богом будет труд!
Весну такую твердо класс
Рабочих кровью покупает...
Борясь он ждет желанный час,
Когда луч солнца засияет.
Когда застывшие сердца
Зажгутся пламенной любовью;
Когда меч гордого бойца
Не обагрится больше кровью...

НАМ НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ.

Товарищи, нам нечего терять
В борьбе с врагом, кроме цепей и муки!
Возьмем же молот свой в мозолистые руки
И будем мир и счастие ковать.
Уж приближается девятый вал
В разбушевавшейся морской стихии...
Трепещут в ужасе разбойники лихие,
Трещит по швам разбойный капитал!
Идите вы, крестьяне, бедняки,
Плечом к плечу с рабочими рядами
И дрогнут хищники-грабители пред вами:
Помещики, купцы и кулаки!
Нам нужен мир. Нам нужен хлеб, свобода!
Врагам нужна война, насилие, грабеж,
Продажа чести, виселицы, ложь
Для всех трудящихся, страдающих народов.
Восстанием охвачены народы,
Горит святой отмщения пожар
И роковой заносится удар!..
Дрожат враги, дрожат дворцов их своды.
Вперед, товарищи! Без страха в бой идите.
Заря любви уж в небе занялась!
Нам дорог день, нам дорог каждый час
Дробить могильные капитализма плиты.

МОЛЧАТЬ ПРЕСТУПНО.

Рабочие! Молчать преступно,
Преступно руки опускать,
Коль вам оружием доступно
Страну свою родную защищать!
Враг обнаглел... Зубами враг щелкает...
Оковы вам готовит смертный враг!
Он смерть, он рабство вам уготовляет
И оскверняет ваш священный, славный стяг...
Где враг пройдет—растут там трупов горы,
Там разрушения, насилия и разбой,
Блистают там рабочих-братьев взоры
Смертельною, кровавою слезой.
Там, где ваш враг, смертельный враг ступает
Своею грузною, кровавою пятой,
Там мрак, там ночь могилы наступает,
Там гаснет свет любви и истины святой!
Рабочие! Ужели отдадите
Истерзанную грудь России палачам?
Ужель свой труд, себя вы предадите,
Подставив головы покорные мечам?
Опомнитесь, скорей! Еще не поздно
Разбойникам достойный дать отпор,
Сплотившись в класс семьи единой, грозной,
Разбить врагов кровавый заговор!
Позорно быть трусливым, малодушным,
Когда рабочих кровь к рабочим вопиет,
Когда она вас в бой единодушный,
В последний бой с тиранами зовет!
Нет, нет! Россию молодую
Врагам своим умрем—не отдадим!

Мы на врагов винтовку боевую
Свою, рабочую винтовку зарядим!
Своей войной, войною пролетарской,
Сплотив ряды, мечами мы снесем
Остатки с головы короны царской,
И миру мир борьбою принесем!
Забыв животный страх, отбросив все сомненья—
К оружию борцы—поборники труда!
Мы под бодрящий клич, под «Марсельезы» пенье
Врагов своих сокрушим без следа!

СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ В ИЮЛЕ 1913 г. В ЗАКЛЮЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО БАТАЛИОНА.

Лучами ярко освещая,
Катится солнце вдаль небес...
Вдали синеет темный лес,
Прохладой землю освежая.
Мелькают быстро пароходы,
Несутся барки вдоль Днепра,
Удары слышны топора
И в лесопилках шум приводов.
Природа дышет... жизнь кипит,
Смеется небо голубое,
Вдали сливаяся с землею,
К себе зовет, дразнит, манит.
Лишь в заключеньи мрачно, дико...
Веселых лиц не видно тут...
Гуляет злобно царский кнут.
Здесь слышны вопли, стоны, крики,
Здесь бездны мрак,
Здесь кровь ручьем
Из тел измученных струится.
Рассудок ясный здесь мутится.
Здесь спят кошмарным страшным сном,
Но верю я, настанет час
Святой расплаты, справедливой!
Уж скоро ясною, счастливой
Дохнет улыбкой жизнь на нас.
Не будет стонов и проклятья,
Не будет диких палачей
И окровавленных мечей.
Все люди будут жить как братья!

КУЗНЕЦ.

Кузнец кует.
И молот бьет
И скачут искры золотые;
А горн шумит,
А горн дымит,
Огнем бросается игриво.
И с напряжением рука,
Не слыша тяжесть молотка,
Удар наносит за ударом,
И в темной, мрачной мастерской,
Где слышен пил железных вой,
Все освещается пожаром.
Кузнец кует
И молот бьет,
Железо быстро оформляет.
И, как небесные тела,
Вокруг угрюмого чела
Игриво искорки летают.
Кузнец кует
И молот бьет,
Дрожит земля и неба своды...
Ударом, песней боевой,
Сверкая искрой огневой,
Он будит спящие народы!
В ударах звонких молотка
И в бодрой песне бедняка
Средь злобы, средь ненастья,
Среди проклятия и крови,
Слышна в них музыка любви,
Призывы к миру, к жизни, к счастью!

ПАВШИМ ГЕРОЯМ.

Товарищи, павшие братья!
Свободу Вы добыли кровью...
Пред Вами мы все без из'ятья
Склонились с тоской и любовью...
Вы пали родные по делу...
Уж свет не узрят Ваши очи,
Могилу засыплет снег белый,
Дни сменят бессменные ночи,
И кровь Ваша, братья родные,
Недаром в борьбе пролилася...
Уж блещут лучи золотые,
Уж в небе заря занялася!
И Ваше Священное Дело
История славой венчает,
За Вами, кто честно и смело
В решительный бой выступает,
Все те, кто в нужде воспитался,
Кто вынес и горе, и муки;
В цепях кто, как раб, пресмыкался,
Уж подняли сильные руки.
И реет их красное знамя,
И стройными дружно рядами,
Зажегши всемирное пламя,
Идут с верой светлой за вами.
Пусть гады шипят извиваясь,
Пусть трусы в бессильи льют слезы,
Мы, дружной семьею сливаясь,
Не дрогнем пред битвой угрозы!
Так спите же с миром, родные,
Мы, спаяны вашею кровью,
Не бросим мечи боевые
С горящею в сердце любовью.

ВПЕРЕД!

Рабочие-братья! Тернистой тропою
Тяжелой дорогой, но твердой стопою!
Мы двинемся в бой!

Мы с детства страдали и оковы влачили,
Нам с детства голодною смертью грозили,
Могила была нам покой.

С истерзанным сердцем бродили толпами
И кто не ленился—смеялся над нами,
Над горькою нашей нуждой.

Работы просили—нам камень давали;
Мы голод штыками врагов утолили,
Сносили беду за бедой.

Иссохшее тело, уставшие руки,
Голодная смерть и голодные муки—
Кошмарный наш были удел.

Тогда, среди мрака чернеющей ночи,
Горели безумьем печальные очи,
В них пламень священный горел.

Под игом тиранов мы в битву рвалися,
В едином порыве надеждой сплелися,
Что скоро настанет пора,

Когда вместо ночи, нависшей над нами,
Солнце пробьется сквозь тучи лучами,
Предвестник святого утра.

Теперь почему же рабочие-братья,
Сбросив позорные, рабские платья,
Сомнения червь вас грызет?

Ведь утро настало... Ведь солнце сияет,
Победу и счастье в борьбе нам вещает
В стремлении вперед.

Взгляните, кто нами теперь управляет,
Со злом кто в борьбу вдохновляет,
Кто знамя рабочих поднял?

. . . .

Товарищи-братья! Сомкнемся рядами
И, верою твердой проникнувшись сами,
Будем дробить и ковать!

Пусть буря и ветер свирепо бушуют,
Пусть голод нас давит и враг негодует,
Наш путь лишь вперед, но не вспять!

Пусть встретим врага мы не рабской слезою,
А грудью рабочей, рабочей грозою
За светлую радость труда!

Взгляните, уж Запад в пожаре восстанья,
Горят, как и мы, там страдальцы желаньем
Тиранов смести без следа.

Терпения больше! Побольше надежды!
Вперед устремляйте усталые вежды,
Сильнее сжимайте ваш стяг.

Уж утро настало... Уж солнце сияет,
Трусливые взоры кротов ослепляет,
И мечется в панике враг.

Гоните неверных, гоните сомненья
И рвите, дробите цепей ржавых звенья,
Создайте рабочий оплот!

Советскую власть укрепляйте стеною,
И мы победим хоть и тяжкой ценою.
Со знаменем красным вперед!

РОССИЯ.

Россия! Ты кровью мучеников честных
Приобрела свободу для рабов...
Ты вырвала из стен тюремных, тесных
Нам преданных бесстрашнейших бойцов,
Ты знамя красное над миром водрузила
И твой набат голодных пробудил.
Ты ласкою своей несчастных озарила
Влачивших жизнь средь хладных стен могил.
И за твоим призывом бодрым, смелым
Восстала быстро рать поборников труда
И молот их стальной звучит святым напевом
Их гонит в смертный бой мертвящая нужда
Все старое, отжившее, гнилое
Дробят могучею мозолистой рукой,
За ними вслед идет все честное живое,
Нарушив мертвецов обманчивый покой.
Россия Мать! Кати бушуя волны
Свободные в лазуревую даль...
Туда, где яркий свет бьет счастьем жизни полным,
Не задымится где людскою кровью сталь.
Так бодро в путь! Нет страха для борцов...
Иль смерть, иль жизнь, иль рабство, иль свобода,
В борьбе нам нечего терять, кроме своих оков,
В борьбе приобретем весь мир мы для народа!

МЫ КУЗНЕЦЫ.

Мы кузнецы, мы кузнецы!
Мы долю лучшую куем
И на весь мир во все концы
Свой зов ударом звонким шлем!
В огне мускулистой рукой,
В пожаре искр, огнем играя,
Мы подымаем молот свой,
Сталь огневую ударяя.
Стальной напев каленой стали
Переливается, дрожит,
Несется в высь, несется к дали,
Сердца измученных бодрит.
В напеве этом звонком, чистом
Струна любовная поет,
Несется к дали в край лучистый,
Где берег плещется искристый,
Где солнце яркое свет льет.
Мы кузнецы, мы кузнецы!
Мы раньше цепи лишь ковали,
Рабы мы были—не творцы,
Мы создавали все дворцы,
А сами в ямах погибали!
Мы для насилия и зла
Богатство, рай врагам ковали.
Семья голодная гнила,
Дочь проституткою жить шла
В разврате мерзком и печали.

Мы кузнецы теперь куем
Свободу, мир, любовь и братство,
Мы кровь, мы жизнь свою даем,
Мы песнь последнюю поем
Для мира зла и тунеядства!
И тот, кто с нами в бой идет,
Кто верой пламенной сгорает,
Тот вместе с нами песнь поет,
Тот вместе с нами жизнь кует,
Тот счастье миру возвещает.

БЕЗУМИЮ ДИКОМУ ПОСВЯЩАЮ.

Кто дело гнусно свершил?
Кто дерзкой черною изменой
Врагам нож остро наточил—
Слепым безумьем мести пленный?
Зачем истерзанной стране
Стрелою сердце в пронзили?
Зачем в полночно тишине
Вы дело черное т орили,
С врагом труда о 'единясь?..
Россия юная, младая,
Горячей кровью истекая.
В своей крови потопит вас.
За то, что в жалкой простоте
Рабы врагам вы помогали
Распять Россию на кресте
И что «Голгофу» воздвигали,
Что в грудь России молодой
Вы нож предательский вонзили
В годину битвы роковой
И стяг священный осквернили!
А как нежна, а как хрупка
Младой России грудь младая,
И как светла, как высока
Рабочей битвы цель святая...

А вы, изменники голодных!
Отброс, ирония судьбы,
Лакеи фраз трескучих, модных,
Вы не борцы!—Вы, есть рабы!
Как всех трусливых, близоруких
И. вас история смела,
И в ваш венок шипов колючих
Пятно позорное вплела.
Вас нет! Вы выбыли из строя,
И дверь заветная труда,
Борьба, движенье мировое
Для вас закрылись навсегда.

ВОЛГА, МАТЬ РОДНАЯ.

Эх ты, Волга, мать родная!
Ты катись, бурли сильней...
Грудью мощною вздымая
Берега крутые бей!
Ты кати бушуя волны
По лугам и по лесам
И своим размахом вольным
Разнеси весть деревням.
Расскажи волной певучей
Старикам и молодцам,
Чтоб вставали грозной тучей
Дать отпор своим врагам.
Ты скажи всем, кто неволю,
Нужду, голод испытал;
Кто за землю, да за волю
Новый, светлый строй ковал;
Кто обиды и поборы
Протерпел от кулаков;
Кто под плеткой делал сборы
Для царей и для попов,
Чтоб с твоей стихией грозной
Все вставали под ружье
Защищать пока не поздно
Достояние свое.
Пусть на Волгу соберутся
Батраки и бедняки,
Страшной бурей пронесутся
На насильников полки!
Всех ты, Волга, мать родная,
Угнетенных пробуди,
Вольной песней вдохновляя,
Зажигай огонь в груди,

Ты скажи врагам, родная,
Волга бурная река,
Что распрямилась стальная
Пролетарская рука!
Ты неси стрелой—волною
Весть врагам:—Идут полки!..
И несут им смерть с собою
Их рабочие штыки!
Над штыками их знамена
В царство равенства зовут...
Мир рабочих угнетенный
С палачами в бой ведут.
Эх ты, Волга, мать родная!
Ты катись, бурли сильней!..
Грудью мощною вздымая
Берега крутые бей.

ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО.

Из дыма, из огня, из копоти и сажи,
Из душных мастерских, мелькающих ремней
Мы двигаемся в бой на стан проклятый вражий
И с верою в груди мы ждем победных дней.
Из всех углов, из всех казарм и хижин
Несем мы грозный клич победы над врагом.
И всяк, кто у станка тиранами обижен,
Грозит своим тяжелым кулаком.
Мы с малых лет бесправие сносили,
Нужда была несчастная нам мать...
Стыдливо с малых лет мы рубище носили,
И наш удел был только лишь страдать.
Бывало, видишь мать голодную, в страданьи,
Опухшую от слез, от горя и тоски,
Сожмешь лишь кулаки с зубовным скрежетаньем,
Но не подашь своей ей помощи руки.
Взглянешь ли на детей—зальется сердце кровью
И месть в груди огонь зажжет,
Сгорая к ним отеческой любовью,
Невольно в бой рвались из рабских путь вперед.
Теперь порвалась цепь... могильный мрак исчез.
Сквозь тучи солнце бьет лучистое, играя,
Одеждой новою поля, луга и лес
Оделися, зловонье разлагая.
Теперь свободные, как буря волн морская,
Забросив хижины, мы молот подняли,
Тяжелый молот свой, и искры огневые
Бросают жар во все концы земли.

ПО ВОЛГЕ.

Трепещут волны Волги... бьются...
Суда по Волге вниз несутся,
А на судах России рать
Плывет свободу защищать.
И среди этой красной рати
Не видно пошлой, чванной знати,
Одни лишь только бедняки
Встают под красные штыки,
И в их очах огонь отваги,
Как их алеющие стяги,
Неугасаемый горит,
Врагам победою грозит.
Бушует Волга... Грудь вздыхает,
Сердито волны вниз бросает
И с красной армией гранит
Путь преграждающий дробит.
Сверкая волны скачут, вьются
И вдаль свободную несутся,
А солнце с неба свет свой льет,
Привет борцам могучим шлет.
Бушует Волга, волны льются,
На Волге стоны раздаются...
Гремят снаряды, бой кипит,
Шатаясь рушится гранит.

* * *

Восстали юные полки,
Дети труда красноармейцы,
От их мозолистой руки
Дрожат враги—белогвардейцы!
Восстали дружною семьей
Рабочий с вольным крестьянином,
Сплетясь в желании едином,—
Вступить с врагами в жаркий бой!
Все, что живое, честно, смело
Русь красную, рабочих дело
Свободу грудью отстоять,
По Волге-матушке спешат...

* * *

А ты, красавица—река,
Приветной лаской моряка
Обвей и песней своей вольной
Зови на бой в простор привольный!
О Волга, Волга! Бей сильнее
Волною... Ветер кружись злее,
Неси как мысль труда полки
Рабочих красные штыки!

ПРИЗЫВ.

Не грустить, тосковать и вздыхать
Призываю я всех угнетенных сердца!
Призываю я их меч булатный поднять
И победно идти до конца!
Не к веселью хмельному откормленных бар
Я рабочих в стихах призываю;
В их сердца я вселяю священный пожар,
Своей песнею в бой вдохновляю!
Не к разврату и злу я рабочих зову,
А к борьбе против зла и неволи.
Я зову не склонять перед битвой главу
За народное счастье, за долю!
Ко всем тем, кто на поле иссох у сохи,
Кто станком оттянул свои жилы,
Я взываю: вздымайте сильнее меха!
Напрягайте могучие силы!
Вставайте дворцов и богатств всех творцы!
Проявите ваш творческий гений,
Ведь вы сами свободы своей кузнецы,
Ведь вы чужды гноящейся лени.
Вставайте и куйте ваш будущий строй—
Строй мира, труда и свободы,
Где вместо вражды и нужды вековой
Сольются в любви все народы!
Не вздыхать, слезы лить и грустить
Я зову, кто в нужде и в цепях изнывал,
А с оружьем в руках силой мощной дробить
Ненавистный гнилой капитал.
Я рабочим рабочую песню пою,
Вместе с ними к победе шагаю,
А придется погибнуть—погибну в бою,
Но бодрящую песню—свободы мою,
Все-ж рабочим я петь завещаю!

ВИРШИ УКРАИНЦЯ.

Я той, що родывся пид небом Украйны...
Я той, що як витер по степу летав,
Я той, що в боротьбу пийшов незвычайно
Я той, що в кайданах залисных стогнав.
Я—бидний робитнык... Я бачу, як ридна
Украина стогне... Як крив разлилась...
Де нимец пануе, де сонця не выдно,
Де знову неволя як ничь родылась!
Зелена Украйна, червонна вид крови...
В слезах втопае, дытячих слезах!
Не выдно, не чуты дивочий любовы
И писень не чуты в вишневых садах.
Нимецкая куля над всими пануе,
Нимецки гармати як грим грохотят;
Кривавый ниж нимця все губе, руйнуе
И дити Украйны в кайданах гремлят.
И там буржуазна украиньска рада
Зрадила голодним к Вильгельму пийшла...
И що-ж! Их злодийска, пекельная зрада
На ихнии спины злодийски лягла.
Я—вильный робитнык Украйны бидной,
Дытына широких и вильных степей
Я помсты бажаю! Робитников ридних
Зову на боротьбу за слезы дитей.
Я вирю настане щастлыва годына
Що в крови, в кайданах, в руинах, в слезах
Добуде знов волю свита Украйна,
И знову засяя в садах и квитках!

ТО НЕ ХВЫЛЯ ГРАЕ.

(На мотив «Ой, за гаем, гаем»).

То не хвыля грае,
То не витер вие,
То зибралыся докупы
Силы молодии!
Выступают смило
З неправдою быця;
«Геть с дороги, вороженьки,
Правда йде личится!
Геть с дороги, товстопузи,
Нема для вас мисця!
Упывалысь нашей кривью
Треба расплатыця!
Геть с дороги, попы и дяки!
Геть, довговолоси!
Ховайтеся в пидрясныки
Бо одрижем косы.
Мы бажаем: счастя, свиту,
Свободы святои,
Щоб жилося добре дитям
В жизни та простои,
Тоди сонце свитом
Ярким засияе.
Геть с дороги, вороженьки,
Хмара наступае!

МУЖИЧКАМ ДА РАБОЧИМ.

Вы послушайте, ребятушки,
Вы, трудящиеся братушки,
Расскажу я вам болезные
Правду, матушку полезную!
Выступают силы темные,
Силы темные, огромные:
Все банкиры да помещики,
Милюковы да Терещенки,
Они вместе с генералами,
С эс-эрами, либералами,
Не на немца собираются,
Не на турка ополчаются,
А идут силы продажные
На Велику Русь сермяжную;
На рабочих, на солдат, крестьян
Восстает врагов богатых стан.
Кулаки, купцы, заводчики,
Все брюхатые молодчики,
Стосковавшись по дубинушке,
По крестьянской бедной спинушке,
На него войной идти спешат,
Цепи рабские ему тащат.
Что Правительство Народное
Отдает люду голодному:
Мир и братство, землю, волюшку,
Для детей их красну долюшку,
Все враги то норовят стащить,
Крестьян палкой по спине лупить.
Эх ты, Русь моя сермяжная,
Русь рабочая, отважная,
Разверни плечи могучие!
Силы бодрые, кипучие!

Подымай ты руки сильные
На врагов дела насильные!
Покажи-ка ты помещикам,
Всем Калединым, Терещенкам,
Чтоб тармашками катилися,
Уму разуму училися!
Чтобы знал врагов богатых стан,
Что теперь только мужик—Иван,
Да рабочие голодные,
Стали Властию Народною!

С О Н.

Ветры буйны зашумели.
Закачались сосны, ели,
Гром раскатисто гремит,
В небе солнце не блестит.
В эту бурную погоду
На перине враг народа,
С жирным толстым животом,
Спит кадет тревожным сном.
Снится жирному бедняге,
Волку хищному и скряге,
Что его на грозный суд
Черти страшные влекут
Через реки, чрез горы,
Чрез поля, леса, через море,
Потрясаючи рогами,
Заметая след хвостами,
Тащут скрягу прямо в ад,
Только косточки трещат.
Долго-ль, мало-ль пролетели,
Наконец, достигли цели
И пред грозным судией,
Перед страшным сатаной
Черти с грешником предстали,
И такую речь держали:
«Гей, ты, наш старшой, великий,
Не с казацкой длинной пикой,
А с почетной кочергой
И с премудрой головой,
Посмотри, какой мы клад
Притащили к тебе в ад».
Сатана, нахмурив очи.
Что темнее были ночи.

На кадета поглядел
И доклад прочесть велел
Из чертей кто поумнее,
Да с рогами подлиннее,
Не замедля, тот же час
Начал быстро свой рассказ:
«По твоему распоряженью,
По премудрому решенью
Из прекраснейших чертей,
Превратившихся в людей,
Мы на землю опустились,
Искать грешников пустились
И старались, что есть сил.
Мы, все уши навострив,
И в окопы заходили,
На полях мужицких были,
Были в фабриках сырых
И в палатах золотых:
Всюду шум и гам и крики,
На Дону мелькают пики,
Кровь горячая течет,
Стонет бедный там народ,
Истомившийся войною,
Стал за мир народ горою,
За свободу, за контроль—
В этой их борьбе вся соль.
Свергли хамское дворянство,
Николаев, Гришек хамство.
Там рабочий и солдат
Жизнь свободную творят.
Разорвав цепей неволю,
Для крестьян всю землю—волю
Передать они хотят,
Всех желают уравнять,
Чтоб не было кулаков
И голодных бедняков,
Чтобы все в довольстве жили,
Честны, грамотны все были,

Словом, видно, что народ
Кровь свою за правду льет,
Напрягает все усилья
Свергнуть злобное насилье
Фабрикантов кулаков,
Дармоедов и купцов.
Против них купцы восстали,
Черну рать свою собрали,
И негодный этот сор
Свой устроил заговор.
Жаль им с властию расстаться,
Кровью бедных упиваться,
И решили они вновь
Проливать рабочих кровь».
Тут наш черт чеснул за ухом,
Ткнув кадета грозно в брюхо,
На минутку замолчал
И вопрос судье задал:
«Ты скажи, властитель ада,
Что с кадетом делать надо,
Пред тобою что лежит,
Брюхом жирным шевелит?
Дело в том, что с юнкерами,
С частью войска, с казаками,
С дикой хищно жадной сворой
Первым был на том сговоре.
На Дону мятеж поднял
И Советы расстрелял,
Чтобы делать злое дело.
Вел себя он слишком смело:
Солдат спаивал вином
И устраивал погром,
Подкупал крестьян деньгами.
Льстивой речью и слезами.
Все украдкой, втихомолку,
Чтобы сбить народ весь с толку».
Тут чорт кончил свой доклад,
И притих весь шумный ад,

Лишь смола в котлах кипел,
Клокотала и шумела,
Издавая смрад и вонь,
Да кружил, как вихрь, огонь.
Сатана—Владыка ада—
Потемневшим грозным взглядом
Гласом громким закричал
На кадета, что лежал
И от страха трепетал:
«Присуждаю злую душу,
Облежавшуюся тушу,
Десять лет в смоле кипеть,
Во грехах своих скорбеть»!
Туд кадет наш ужаснулся
И от страха вдруг проснулся
И никак не мог понять,
Где поделся страшный ад.
Сосны, ели лишь шумели;
Он лежал в своей постели,
Только пот с него катил.
Что за страшный сон сей был,
Что в когтях был Вельзевула?
Мысль в мозгу его мелькнула,
Может быть сей в руку сон?—
И поник главою он.

К ТРОГАТЕЛЬНОМУ ЕДИНЕНИЮ ЭСЕРОВ, МЕНЬШЕВИКОВ И КАДЕТОВ.

Не ведьма на «Лысой горе»
С большой неизменной метлою
В безлунной и мрачной поре
В об'ятьях слилась с сатаною;
Не красная дева в саду
Тайком, чтоб не видели люди,
В горячем, любовном бреду
Прильнула к любимого груди,
То бедный эс-дэк меньшевик,
Пылая любовною страстью,
К кадетскому брюху приник
В блаженном немом сладострастьи
И шепчет любовью сгорая,
Как дева, потупивши очи:
«Люби меня милый!.. Как рая,
Я жду твоей ласки!.. Нет мочи...
Ведь я для тебя постарался
Забыть про марксизм, про идею,
Тебе подчинить я старался
Крестьян и рабочих злодеев;
К тебе я, пылая любовью
И чувствуя нежные муки,
Забрызгал рабочею кровью
Свои же марксистские руки...
И темное небо внимало
И ветер бушуя смеялся,
Как в брюхе кадета урчало,
«Эс-дек» как в любви об'яснялся.

Не ветер, не вьюга бушует,
Не леший в лесу завывает,
Не чорт с кочергою гарцует,
В геене огонь раздувает;
Не хищные волки, не звери
Добычу в лесу поджидают,—
То правые дружно эс-эры
Казацкую плетку лобзают.
Торгуясь землею с кадетом
Каледина ждут не дождутся,
И дружно привет за приветом
От сердца помещикам шлются.
И в гордом своем ослепленьи
Под грязной кадетской пятою,
Каледина внемля веленью,
Народ затянули петлею.
Не вороны, каркая, вьются,
Не в небе орлы пролетают,—
То в дикой присядке несутся
Эс-эры, кадетам внимая.

СКОРБЬ БЕЛОГВАРДЕЙЦА.

Власть Советскую разбить мы не в силах,
Заползает в душу подлый жуткий страх.
Хоть волком, хоть по собачьи дико вой,
А придется распрощаться с головой!
Ведь какой пришлося нам терпеть конфуз
Летят к чорту англичанин и француз,
Словно зайцы! Прости, Господи, мой грех,
Большевистский больно крепок уж орех!..
И какой бы ни был жгучий твой экстаз,
Не раскусишь, не проглотишь его враз,
Вы, подумайте, друзья мои, кругом
От английских денег слышен тонкий звон;
Подкупить с их щедрой, легонькой руки
Мы хотели большевистские полки.
Но не тут-то было дело, латыши
Поднесли нам прямо под нос кукиши!..
А с рабочим просто скорбная беда:
Не пойдет свергать Советы никогда,
Видно раньше раскусить он нас с'умел,
Что так больно на буржуев озверел.
Нет уж видно, прости, Господи, меня!
Не дождаться долгожданного мне дня,
Видно боремся с Советами мы зря,
Не удастся посадить на трон царя.
Помогает коммунистам видно чорт
Как ветошку нас выбрасывать за борт.
Нет, уж видно тут как хочешь,—вой не вой,
А придется распроститься с головой.
Пусть же Бог поможет мне скорей удрать,
Быть бы живу и на все мне наплевать!

НА УКРАИНЕ.

То не ветер в трубу дует,
То не вихрь с злобой кружится,
Скоропадский то бунтуя
В бездну быстро, скоро мчится,
То не черти в аду пляшут
Над геeной огненной,
То эс-эры тщетно машут,
Озверев, шашкой картонной.
На Россию, на Советы
Брызжут ядовитой пеной...
И поют «многая лета»!
С царской шашкой презренной
С гнусной ловкостью Светской
Все в послушном, рабежом духе
Перед палкою кадетской
Псами ползают на брюхе
Пред мошною золотою,
Под кадетскою пятою
Извиваясь словно гады
Украину предать рады,
А в Украине оконце
Из России сильной, вольной
Льет лучи златые солнце
И стучится ветр привольный.
И поет всем угнетенным,
Всем рабочим Украины
Ветр о царстве счастья полном,
О падении рутины,
Он поет о вольных степях;
О цветах, садах зеленных;
Он поет о рабских цепях
Кровью бедных обагренных.

Он поет, а «Днепр» внимает
Хлеща яростно в «пороги»...
Много, много тайн он знает,
Знает вольные дороги!
Из России свет сияет
Все сильнее и сильнее,
Грудь «Днепра» под ним сверкает
И вздыхает свободнее.

. . . .

Море черное бушуя,
Море черное играя,
Рвет и мечет негодуя
В берег мрачный ударяя.
Много жертв похоронило
Море хладными волнами
И катило, все катило
Гребни целыми веками.
И теперь, сверкая пеной,
Кружа глыбой водяною
Бьется море неизменно
Непокорною волною.
Рассекая туман мглистый
Ветер волнам помогает
Бить, пробить берег скалистый
К вольной дали направляет.

. . . .

Море черное взыграло,
«Днепр» сильнее покатился...
Время бурное настало,
Гром по небу раскатился.
Против псов и злой неволи,
Задыхаясь от страданья,
От гнетущей рабской доли,
Под немецкими штыками
В разгромленной Украине
Встала рать труда рядами
Непокорная поныне.

И момент освобожденья
Вместе с солнцем к ним близится
И в стране порабощенья
Скоро воля водворится.
Полетят с голов короны,
Цепи рабства разорвутся,
О рабочие колонны
Троны в щепки разобьются.
Так не сыпьте-ж, злые змеи,
Ядовитою слюною...
Вы пред каменной стеною
Обретете смерть, злодеи!
Бей же, море, глыбой водной!..
«Днепр» сильнее бей в «пороги»!
Бой труда международный
Расчищает нам дороги.

. . . .

То не ветер в трубы дует,
То не чорт с Ягой играет;
Скоропадский то бушует,
Роковые дни считает.
То не осень льет дождями,
То не вихрь листвой играет,
Плачет то эс-эр слезами,
Учредилку погребает.

ЧОРТОВА КЛЯТВА.

Перед гееною огненной
С железной, длинной кочергой,
Трудом и временем согбенный,
Стоял чорт с Бабою Ягой!
Вокруг них пламень жаркий пышет,
Бросаясь светом в черной мгле,
Дыханием палящим дышет,
Смолой бурлит в большом котле.
И копоть, дым, и смрад, и вонь
Над адом огненным кружится,
Сверкая искрами огонь
Бушуя грешникам грозится.
В аду стоит и шум и гам...
Не уставая, плодотворно,
Давая волю кочергам,
Черти работают проворно,
А молодые чертенята,
Свернув хвосты свои кольцом,
Кто с кочергою, кто с ухватом
Несутся в пляске молодцом.
И вдруг, сцепившися рогами,
Вступают в драку меж собой,
Поспешно машут копытками
И поднимают визг и вой.
А старый чорт, на кочергу
Опершись, мрачно вопрошает
Седую, дряхлую Ягу,
Глазами страшными вращает:—
«Скажи, подруга дорогая,
Колдунья старая моя,
С недавних пор от ада рая
Не отличаю что-то я.
Я помню, целыми веками

Таскали черти бедных в ад,
А рай был только богачами
Да генералами занят.
Я помню, как в пределах ада
Строжайший отдан был приказ,
Чтоб жарить лишь рабочих класс
И что щадить богатых надо,
Чтоб всем царям и королям
В раю цветы благоухали...
Чтоб к их изнеженным ногам
Мы, черти, головы склоняли.
Было ведь так; кто жил не зная
Нужды в золоченных дворцах,
У кого мошна была тугая,
Кто веселился на балах,
Того встречал здесь сам Аллах.
А тех, кто жизнь свою трудился,
В нужде и горе изнывал,
Кто в черных шахтах в поте рылся,
Того не Бог, а чорт встречал.
Я жарил бедных беспощадно
Без устали, и день и ночь...
Теперь, ей-ей, что-то не ладно,
Понять, что сталось, мне невмочь!
Теперь я вместо бедняков
В огонь бросаю, как баранов,
Царей, попов и кулаков,
Кадетов разных и пузанов.
Чорт знает, что»!—И плюнул чорт
Яге слюнею черной в рожу:—
«Вот дело!.. Дрянный, дрянный сорт,
На что не знаю я похоже!
Все те, кого за языки
Рукою вешал я умелой
На раскаленные крюки,
Взялися дружно все за дело,
И Рай и Сад, и нас чертей
Чуть в Ад не сбросили однажды!..»

Тут снова чорт Яге своей
Сердяся плюнул в рожу дважды:..
«И всех взяли нас под контроль...
И все вдруг сразу изменилось,
И уж в раю одна лишь голь
Коммуной тесной поселилась.
С тех пор варю и жарю я
Лишь генералов да богатых,
Монахов жирных и мохнатых
В сей жизни адской бытия.
Скажи-ка мне... Ты много знаешь,
Живя среди густых лесов...
Ты травы разные сбираешь,
Природы внемлешь голосов.
Так почему, скажи, случилось,
Что вместо прежних бедняков
В аду дворянство очутилось
И обитатели дворцов»?
Тут чорт наш смолк... На кочергу
Опершись взором черным впился
В седую старую Ягу,
Тряхнув хвостом насторожился.
Открыв беззубый, черный рот
Яга со злобою прошипела:—
«Ты глуп как пробка, старый чорт,
Коль не смекаешь в чем тут дело!
Большевики—социалисты,
Все бедняки, все коммунисты
И мне старухе полон рот
Больших наделали хлопот.
Чрез них мне дань никто не носит...
Ни трав, ни зелья моего
От разной хвори уж не просит
И нет мне веры ничего...
Вот слушай: Дело так было;
Дворянство праздное жило
В дворцах роскошных и палатах,
В довольстве сытом и развратах.

Рабочих грабя беспощадно,
Гоняя в бой толпою стадной,
Они и кровь их и вино
Лили веками уж давно:
Пытали их тюрьмой, цепями;
Кормили пулей и плетями;
Пороли розгой мужиков
В защиту жирных кулаков,
Попов мохнатых насадили
Чтоб в заблуждение вводили
Крестьян беднейших в деревнях
И всех рабочих в городах.
Разбойники—городовые,
Урядники и становые,
Цари, помещики, купцы,
Все лентяи, все подлецы
Толпою пьяной, кровожадной,
Рукой тяжелою и жадной
И в деревнях, и в городах
Душили бедных... Вспомнить страх!
Живя в палатах золотых
Цари в безумьи пировали...
Попы в церквах им всех святых
В благословенье призывали.
И вот... От жира и вина,
Когда в глазах их все вертелось
От жизни роскошной и сна,
Испить им крови захотелось.
И миллионы бедняков
На бойню гнали как скотину
И полилась ручьями кровь...
Как будто прорвало плотину!
Но вот терпенье истощилось
Рабочих, бедных мужиков
И вмиг все сразу изменилось,
Все завертелось, закружилось
И на иглах стальных штыков
С царем дворянство очутилось:

И вот с тех пор... Ты должен сам
Теперь, чорт старый догадаться,
Что почему твоим чертям
Пришлось с буржуями тягаться».

. . . .

Отбросив в сторону Ягу,
Гразами страшными вращая,
Поднявши грозно кочергу,
Чорт заорал чертей сбирая:
«Эй вы, рогатые ослы!
Огонь—покрепче раздувайте!
По больше лейте в чан смолы.
Жаровни жарче накаляйте!
Тащите всех царей, купцов,
Попов, мошенников, кадетов,
Эсеров подленьких лжецов...
Чтоб вмиг исполнили все это!
Пусть всем, кто был насилья другом,
Воздастся мною по заслугам.
Я всех их пыткой изведу!
Что к Сатанинскому стыду
Они за нос меня водили,
Что в Ад трудящихся судили.
Довольно!.. Смою свой позор
Я там, что этот гнойный сор
Веками жарить и варить,
Смолой кипящею поить
Я буду их. Пусть знает всяк,
Что я, хоть чорт, но все-ж бедняк!..
Что я, чем только лишь смогу,
В борьбе рабочим помогу.
Клянусь хвостом и копытами!
Клянуся Адом и чертями!
Клянуся Бабою Ягой
И своей верной кочергой,
Что всех буржуев и богатых,
Всех дармоедов, всех брюхатых,
Всех саботажников подряд

Стащу к себе в кромешный Ад!
Что всех Деникиных бесштанных
Стащу к себе!.. Еще клянусь,
Что и до подлых Шейдеманов,
И до Вильсонов доберусь».
Чорт смолк, а черти зашумели,
Цепями крепкими гремя;
И как галушки полетели
Буржуи в страшный вихрь огня.

СТИХОТВОРЕНИЯ,

НАПИСАННЫЕ

во время империалистической войны и во времена Кереновщины.

К БОГУ.

О Бог! Прости за дерзкое желанье
Узнать, чем занят ты в просторных небесах
В сей черный год, когда в полях, в лесах
Несутся вопли, стон и дикое стенанье.
Тебе поют хвалу, звонят во всех церквах,
Кричат, что чудо, Бог, ты совершаешь,
Что темным свет даешь, вселяешь Божий страх
И мертвецов из гроба воскрешаешь.
Но где-ж твои дела? Где сказочное чудо,
Коль кровию людей пропитан целый мир.
Или и ты, как некогда Иуда,
Злым палачам даришь кровавый пир?
Зачем, о, Бог, кровавою дорогой
Сынов своих ведешь к безумству дел
И почему десницей своей строгой
Убийц не поразишь, мечущих тучи стрел
В сердца мирных людей труда и нищеты.
Не Бог добра, а зла Бог ты!

. . . .

Далеко на полях земля кровью дымится,
Кровавая трава растет на тех местах,
Там ад, там смерть, там дикий жуткий страх
В сердцах людей бессмыслено таится,
Проклятье там! Гром пушек и снарядов,
Моря крови, солдатских груды тел
И воздух насыщен скопленьем смертных ядов
Среди безумья страшных, диких дел.

. . . .

Куски оторванного тела
Лежат, гниют во всех местах,
Их очи ворон клюет смело,
Глодает кости зверь в лесах.

Где ты, о, Бог, с всесильною любовью,
На что тебе сей жизни людской ад,
Что чуть ли не грудных ребят
Сердца от муки истекают кровью?

. . . .

Рабочий, встань, на Бога нет надежды,
Мускулистой рукой мы сами мир скуем.
Буржуи, прочь! Прочь, прохвосты и невежды!
Рабочий, встань, к борьбе тебя зовем!
Рабочий встань, тебя зло обмануло.
Буржуазия ради барышей
В преступный бой, в разбой тебя толкнула
Губить чужих и собственных детей.
Рабочий, встань! Мозолистые руки
Рабочим других стран с любовью протяни,
Довольно слез! Довольно адской муки!
Да здравствует мир, да здравствуют братства дни!
Пусть грянет гром, пусть молнии сверкают,
Пусть ветры заревут; гнилое пусть срывают
И в бездну унесут отгнившее на век...
Во всех странах набат пусть раздается
И новый. светлый строй рабочим создается,
И за права пусть встанет человек!
Сомкнись, борцы всех стран, знамена развевайтесь.
Вперед, вперед, борцы, к борьбе, за строй иной
Несется пусть наш возглас боевой:
Рабочие всех стран, соединяйтесь!

К 4-х ЛЕТНЕЙ БОЙНЕ.

Бушует свирепо кровавое море
В пожаре проклятой звериной войны,
Разносятся стоны и страшное горе
На весь мир прибоем горячей волны.
Цари, короли кровожадной толпою,
Банкиры, монахи, попы, кулаки
Ведут угнетенных позорной тропою,
Травя, как собак, за полками полки.
Как жадные звери страдальцы страдальцам
В безумьи в куски разрывают тела.
И смерти костлявых и острых щупальцев
Спустилась на землю кровавая мгла.
И смрадом ужасным от трупов гниющих
Цветы пропитались в зеленых полях.
И крови в садах, жизнью-радостью бьющих,
Чернеют следы на обугленных пнях.
О, хищные звери! О, подлые твари!
Взлгяните на ужас, рожденный войной,
Взгляните, как в пьяном кровавом угаре
Ужасный бич смерти свистит над землей!
Копотью, порохом, кровью и смрадом
Дышет сдобренная кровью земля
И над пылающим, огненным адом
Виснет удавная смерти петля.
Везде; на земле, над землей, под землею
Смерть, разрушенье и скрежет зубов,
В полях, в городах, на воде, под водою
Трупы... и трупы рабов—бедняков!
Рабочие мира! Уж будет!.. Довольно
Ковать себе цепи насилья и зла!
Взгляните, как бурей могучею вольной
Россия другою дорогой пошла!
Довольно вам быть над собой палачами,
Во имя чужих интересов кровь лить!
Взмахните своими стальными мечами,
Чтоб хищные когти врагов отрубить!..

Как мы, напрягайте рабочую силу,
Как мы, разрушайте тиранов дворцы!
Как мы, рукою твердою ройте могилы
Врагам, и на бой за свободу, творцы!
Ведь узел кровавый войны завязался...
Предела не видно страданью рабов...
В кровавый комок мир в безумьи скатался
Во имя тельца золотого оков!
Взгляните, взгляните, о, братья родные!..
Чьи трупы в истерзаномн виде гниют?
Взгляните и знайте, что путь избавленья
Один: капитал разрушать и дробить,
Что путь в мировом, трудовом единеньи,
Оружьем тиранов без жалости бить!
Вставайте, вставайте. Мы жизнь, мы сиянье,.
Средь мрака, средь ночи под злобный крик сов.
Мы строим святое, великое зданье,
Мы рвем вековечные звенья оков.
Борцы! Мы носители мира и счастья.
Творцы!—Мы проклятье насилья и зла!..
К оружию смело!.. Чрез бури, ненастье.
И пусть не страшит нас кровавая мгла.
Рабочие мира! Тиранов свергайте
И узел кровавый могучей рукой
Тяжелым ударом меча разрубайте,
Стремясь вдаль простора стихией морской!
Подайте, подайте нам крепкие руки!..
Подайте нам помощь семьи трудовой...
Вы видите наши тяжелые муки,
Кровавые раны в борьбе мировой?
Мы ждем вас... Мы верим, что вместе, рядами
Сплотившись, к победе борьбою пойдем...
Своими рабочими только руками
Убийц и тиранов в могилу ввергнем.
А там... там прекрасного неба сиянье...
Там вечный простор необ'ятных полей,
Садов зеленеющих благоуханье
И солнце, горящее лаской лучей.

ВСТАВАЙ, СВОБОДНАЯ РОССИЯ!

Проснулся русский люд голодный,
Восстал с рабочим крестьянин
Могучий, мощный и свободный
Творец, борец и гражданин!
Свободу, равенство и братство
Чертит на знамени своем;
Царей кровавых плутократство
Разит он в шествии святом.
И знамя красное свободы
Горит под солнечным лучем:
«Всех стран сомкнитеся народы».
Теперь написано на нем!
Всех стран рабочие, дружнее
Сплочайтесь в тесные ряды,
Сплотившись, будем мы грознее
Бороться с цепями нужды.
Не спит наш враг—буржуазия,
Страшит ее наш приговор.
Вставай, свободная Россия!
Сметем врагов своих, как сор.
Кровавым призраком витает
Война преступных богачей,
На поле брани выростает
Трава из крови и костей.
Довольно крови! Слез довольно!
Убийства дикие долой!
Пусть все вздохнут народы вольно,
Пусть будет братство, мир, покой,
Пусть в небе солнце нам сияет,
Улыбкой дышут небеса,
Природа пусть благоухает
Как розы девственной краса.

КРОВАВЫЙ ТУМАН.

Кровавый туман... адский хохот войны,
Трупный запах повсюду несется;
Юный цвет наших дней—молодые сыны
В жертву Богу войны отдается.
Опустели поля, не звенит уж коса...
В деревнях старики, да детишки,
И засохла вдовы молодой полоса,
Мрут, как мухи, кругом ребятишки,
На деревне, как будто в могиле глухой:
Песен бойких не слышится боле...
Сильной, верной рукой уж не правят сохой
Молодые крестьяне на поле.
И нуждой, и слезой изошла в горе мать—
Ей с хозяйством не справиться бедной,
К ее горю глух мир... где защиты искать
От разбойничьей шайки зловредной?
Для войны, ты последнего сына отдай,
Хоть свою растерзай грудь сухую!..
Не беда, что за хлеба сухой каравай
Ты продашь свою дочь молодую...
И шумит, точно моря немолчный прибой,
Кровь, дымясь, опьяняя собою
Молодые умы... И играет косой
Смерть костлявая с тяжкой стопою.

ЗИМА. КОМУ СМЕХ—КОМУ ГОРЕ.

Зима. Кому смех—кому горе...
В холодном морозном просторе
Кровь красит белеющий снег
В разгаре военных потех
Дымящимся кровью узором.
То там, далеко на полях...
А здесь, на своих рысаках,
Под звук колокольчиков звонких,
В беспечных и бешеных гонках
Несутся счастливцы в санях!
Театры, балы, маскарады,
Любовные вздохи и взгляды
Им служат усладой большой;
И им тяготиться-ль зимой
Вдали от глухой канонады?
А там, далеко за полями,
Усеяно поле костями,
Осколками стали и тел
И кровь, где лишь снег забелел,
Горячими брызнет струями.
Зима там вам кажется адом,
Мороз злым губительным ядом,
А тех, кто пуль метких избег,
Сразил ветер морозный и снег.
И много разорванных тел
Нашли свой могильный удел
Под снежным, холодным покровом,
И ветер морозный сурово
Им «Вечную память» пропел:!

То там... далеко на полях!
Там холодно, верно, и страшно,
А нам на своих рысаках
Под шубой совсем неопасно.
Пусть льется кровавое море
В холодном морозном просторе,
Мы-ж будем вздыхать и любить,
В театр, маскарады ходить,
Зима. Кому смех—кому горе!

СТИХОТВОРЕНИЕ.

Родился Тот, любовь Кто завещал,
Кто за рабов, имущими гонимый,
Покорно смерть и пытки воспринял,
Оставив дух любви непоборимой!
В сей день любви и ласки животворной
Над окровавленной измученной землей,
Грозя костлявою, мертвящею рукой,
Свистит кровавый бич позорный!
Поправ Евангелье, поправ завет святой
И именем Христа преступно прикрываясь,
В крови трудящихся, в святой крови купаясь,
Свершает капитал на трупах танец свой,
Четвертый год кровавый вихрь кружится,
Четвертый год гуляет смерть и сталь
И солнцем не блестит чернеющая даль,
И небо ласкою любви не озарится...
Ища могущества, ища добычи, злата,
Толкают люд враги на преступленье
И в дикой ярости, в зверином озлобленьи,
Заставили идти войною брат на брата!

Рабочие всех стран! В сей день любви и мира
Не ради зла, для братства всех людей
Свергайте вы безумного вампира—
Бездушный капитал—врага святых идей!
Пусть среди слез, средь стонов и проклятий,
Средь злобы и бряцания мечей
Ваш возглас прозвучит, страдающие братья,
«Долой войну и диких палачей»!
Взгляните, в небе как сияющем глубоком
Над миром юная, сверкая, поднялась,
Лучами яркими златистыми светясь,
Заря любви, восшедшая с востока!

КУДА!

Куда! Куда без позволенья,
Вильсон, ты прешься в «Божий Рай»,
Не получивши обновленья!
Молчи, и с трепетом взирай!

Взгляни! Как море разлилось
Рабов святых негодованье
В пожаре пламенном восстанья,
Как знамя красное взвилось!

Взгляни, как бурею в ненастье,
Играя пламенной грозой,
Встают за жизнь, за труд, за счастье
Рабочие в последний бой!

Взирай, прикащик капитала,
Народов слабых подлый льстец:
Заря любви уж воссияла,
Коснувшись страждущих сердец.

И сколько ты ни прикрывался
Демократичной мишурой,
Свободолюбивою корой,
Но все-ж тираном ты остался!

Тебе, играя с Шейдеманом,
Гнет капитала не спасти
И золотым его карманом
Наш Новый Строй не погрести.

Тебе, дерзающему слепо
Огонь восстаний потушить
И власть советов разрушить
И сохранить строй зла нелепый,
Смерть за плечами уж грозит.

Внемли-ж, *палач заокеанский*,
Бог паразитов и купцов,
Надежда всяких подлецов
Делишек грязных шарлатанских.

Твой час пробил!.. Рабочий класс
Тебя прекрасно понимает.
В твоей стране он братски нас
В борьбу с тобою призывает!
Внемли! Ты черными делами
На нас не бросишь тени страх.
И сколько не грози штыками—
Ты сам повиснешь на штыках!
. . . .

СОДЕРЖАНИЕ.

Цена 1 р. 75 к.